Это и правда был Цинь У, одетый в металлические доспехи. Хунцзюнь немедленно отправился звать остальных, пока Цинь У растянулся на земле, тяжело дыша. Содрогаясь в конвульсиях, он поднял голову и посмотрел на алтарь Ачалы в ближнем зале. В лунном свете взгляды их встретились, Ачала держал свои шесть рук с оружием сурово и внушительно.

Послышались шаги, Хунцзюнь быстро вел Ли Цзинлуна. Тот лишь бросил взгляд и спросил:

– Следы крови снаружи вымыли?

А-Тай, Мо Жигэнь и Цю Юнсы только что проснулись. А-Тай выглянул за дверь и, одетый лишь в ночную рубашку, вышел. Кольцо на его среднем пальце засияло водной ци – и с легким шорохом по дороге прокатился водяной смерч, смывая кровь, оставленную Цинь У. Затем А-Тай покинул переулок, вышел на главную улицу и убрал все остальные следы.

– Набери воды и плесни на него, – сказал Ли Цзинлун. – Хунцзюнь! Подготовь успокаивающие благовония, быстрее!

С Цинь У сняли доспехи, он лежал во дворе, а его губы безостановочно дрожали, все его тело объял металлический запах крови. Мо Жигэнь тихо произнес:

– Я сделаю это.

Точно так же, как в ту ночь, когда Мо Жигэнь изгнал кошмары Хунцзюня, он положил руку на лоб Цинь У, медленно успокаивая его.

– Я… убил их, – сказал Цинь У дрожащим голосом.

– Скольких ты убил? – спросил Ли Цзинлун. – Завтра утром иди и сдайся властям. Сяо У, когда убиваешь кого-то, обязан ответить за это своей жизнью. Исполни свой долг! Если ты настоящий мужчина, почему готов совершить подвиг, но не берешь на себя ответственность?

Лицо Цинь У исказилось, он, рыдая, ответил:

– Я пошел к семье Чжэн, чтобы отомстить, но Чжэн Вэньбинь и моя мачеха… были… он и вся его семья… и моя мачеха… я всех их убил.

– Всю его семью?! Цинь У! Ты с ума сошел!

– Спасите меня… спасите, – Цинь У задыхался от рыданий, схватив Ли Цзинлуна за руку и не желая отпускать ее. Хунцзюнь был поражен, но, вспоминая Цинь У днем, его движения во время чистки меча и тяжелую атмосферу вокруг, он подумал, что все, что произошло сегодня вечером, уже давно высечено на камне. – Кто-то тянул меня за руку.

Цинь У пребывал чуть ли не в агонии, он хватался за Ли Цзинлуна, будто за свою единственную спасительную соломинку. Голос его дрожал.

– Я не хотел убивать того ребенка… Только мачеха и Чжэн Вэньбинь, они…

Ли Цзинлун яростно стряхнул с себя Цинь У и, тяжело дыша, отошел в сторону. Хунцзюнь поднял глаза и посмотрел на Ли Цзинлуна. Он увидел, что у того в глазах, кажется, собирались слезы.

А-Тай закончил с уборкой снаружи. Вернувшись, он сказал:

– Я уберу и в доме.

После этого А-Тай взмахнул веером, водяной пар вырвался наружу, покрыв водой лица присутствующих. Ли Цзинлун сердито закричал:

– Не создавай проблем!

На А-Тая ни с того ни с сего накричали, на что он мог лишь ответить:

– Мои благие намерения были встречены молнией. Если ты не хочешь, чтобы я убирался, тогда я не буду. Зачем кричать с такой яростью?

– Завтра утром первым делом ты должен сдаться. Если не пойдешь, я провожу тебя лично, – сказал Ли Цзинлун Цинь У. – Стерегите его по очереди. Хунцзюнь, дай ему успокаивающего порошка, но не слишком много.

После адъютант вернулся в свою комнату, громко и с силой хлопнув дверью.

– Кто этот человек? – Цю Юнсы не знал, кто такой Цинь У, но Хунцзюнь почувствовал себя странно. Казалось, Цинь У для Ли Цзинлуна многое значил.

– Я его не знаю, – пожал плечами Хунцзюнь.

Мо Жигэнь затем велел всем вернуться в свои комнаты и отдохнуть; он мог дежурить один хоть всю ночь.

– Адъютант, – Хунцзюнь приложил все усилия, чтобы постучать в дверь Ли Цзинлуна, однако ответа не последовало. Юноша мог лишь оставить все как есть.

Утром следующего дня, когда все собрались, Ли Цзинлун уже выглядел как обычно, но Цинь У

исчез со двора.

– Он ушел, – сообщил Мо Жигэнь. – Я проводил его до Ревизионной палаты, с тех пор он не выходил оттуда.

Ли Цзинлун закрыл глаза и вздохнул.

– Чему-то суждено произойти, поэтому просто займитесь своими делами.

После завтрака Ли Цзинлун собирался распределить обязанности между своими подчиненными, когда пришел Лянь Хао с новой партией дел. Ли Цзинлун разрешил Мо Жигэню отдохнуть, А-Тай, Цю Юнсы и Хунцзюнь занялись чтением дел, а Ли Цзинлун молча отправился на расследование. Когда он стал покидать Отдел экзорцизма, Хунцзюнь последовал за ним.

– Возвращайся, – фыркнул Ли Цзинлун, повернув голову.

– Они попросили меня составить вам компанию, – настоял Хунцзюнь.

Ли Цзинлун остановился, но ничего не сказал, развернулся и пошел дальше. Хунцзюнь последовал за ним; ночью он впервые ощутил такую сильную обиду на смертного, и когда Цинь У ворвался к ним весь в крови, юноша лишь почувствовал, что тот был яо, который убил бесчисленное множество людей.

Ли Цзинлун вздохнул.

– Нам стоит купить нескольких лошадей, иначе будет хлопотно при выходе наружу.

Они вдвоем пошли: один впереди другого. Вот так. Хунцзюнь чувствовал жалость к Цинь У, но, видя, как Ли Цзинлун заботился о нем, ощущал себя, словно не в своей тарелке. Цинь У плохо обошелся с Ли Цзинлуном, но тот продолжал переживать за него. Какое-то время Хунцзюню думалось, что в его сердце спорят между собой два карпа яо. И один из них сердито вторил: «Он мой адъютант! Даже после всей истории он все еще так печален из-за него!»

Другой же карп делал ему выговор: «Цинь У достоин жалости, а ты ненавидишь его?!»

Первый громко закричал: «Почему?! Скажи, почему?! Какое это имеет ко мне отношение? Если однажды Чун Мин вернется с другим ребенком под руку, разве он бы не забрал моего отца?»

С этой внутренней борьбой Хунцзюнь следовал за Ли Цзинлуном. Когда они зашли в один из переулков, Ли Цзинлун спросил:

– Хочешь лапши?

– Хочу, – улыбнулся Хунцзюнь.

Настроение Ли Цзинлуна несколько улучшилось, он произнес:

– Улыбнись, все хорошо. Почему же ты так несчастен?

– Когда вам грустно, – честно признался Хунцзюнь, – я тоже грущу.

Ли Цзинлун посадил Хунцзюня и заказал лапшу. Теперь, когда у них имелись деньги, они могли есть все, что хотели.

– Вчера я хотел сказать ему несколько слов поддержки, – Ли Цзинлун не мог собраться с духом. – Однако подобные вопросы посторонними словами не решаются, это все зависит от самих людей.

– Он убил людей, – сказал Хунцзюнь. – И все же первым человеком, о котором он подумал, были вы, что доказывает, что он… ну…

Он проследил за выражением лица Ли Цзинлуна. Юноша постепенно учился наблюдать за реакцией людей на его слова, поэтому проглотил последнюю фразу, чтобы не расстраивать адъютанта еще больше.

Когда Ли Цзинлун услышал эти слова, он, казалось, что-то почувствовал, а после бросил взгляд на Хунцзюня, морщины на лбу мужчины разгладились.

– Что такое?

– Ничего.

Они вдвоем закончили обедать в этой странной атмосфере, и Ли Цзинлун произнес:

– Много не ешь. Тебе сегодня можно лишь одну миску.

Хунцзюнь настоял на большем, и в конце концов Ли Цзинлуну не удалось переубедить его, поэтому он позволил съесть еще вторую.

– Я сам за себя заплачу, – сообщил Хунцзюнь.

– Дело не в деньгах, – вздохнул Ли Цзинлун. – У твоего адъютанта денег теперь достаточно, настолько достаточно, что я могу просить хозяина каждый день приходить к нам и готовить эту лапшу. Просто я боюсь, что ты…

– Я что? – поинтересовался Хунцзюнь. – Не смотрите на меня свысока.

– Хорошо, хорошо, – кивнул Ли Цзинлун. – Ешь, пока не наешься.

Этот киоск с лапшой был очень известен в Чанъане, а его история простиралась на пятьдесят лет. Здесь готовили жареную гусиную лапшу. Когда густая лапша была готова, ее выставляли в мисках в ряд, а после клали отборные кусочки гусятины, которую выращивали на протяжении пятидесяти шести дней, а после запекали в печи. Раз в день готовилось лишь десять гусят.

Бульон для жарки меняли раз в год, и обычно добавляли лишь бульон для супа. Гусиное мясо, только вытащенное из горшочка, было ароматным и мягким, его быстро нарезали полосками острым ножом, а после добавляли меньше половины крылышка. Сверху заливали маринад, аромат которого ударял прохожим в нос. Густая лапша была кристально белой, а гусиное мясо – нежным и золотистым. Хунцзюнь опустошил две миски друг за другом.

Шичень спустя, когда двое вошли в морг Ревизионной палаты под землей, они не успели и пройти пяти шагов, как Хунцзюня стошнило.

– Ты в порядке? – забеспокоился Ли Цзинлун.

Хунцзюнь не ответил.

Ли Цзинлун попросил осмотрщика тел принести воды, чтобы Хунцзюнь прополоскал рот. Хунцзюнь в это время стоял лицом к глиняной вазе, его рвало до тех пор, пока у него не закружилась голова.

– Я же сказал тебе не наедаться, однако ты ослушался, потом я попросил тебя не идти за мной, ты опять ослушался. И вот что случилось…

Хунцзюнь быстро махнул рукой. Ли Цзинлун подтолкнул юношу к выходу, но тот сказал:

– Позвольте мне продолжить, ничего страшного, если меня вырвет еще чуть-чуть.

Ли Цзинлун поддержал его рукой, другой он подставлял кусочек ароматической соли к носу Хунцзюня, таща юношу вперед.

Как только Хунцзюнь увидел морг изнутри, он пришел в полный ужас: кроме обезглавленного тела, на которое прошлой ночью приходил взглянуть Мо Жигэнь, а также больного человека,

чью кровь нечаянно выпустил лекарь, все, кто умер не своей смертью, находились здесь. Лишь после того, как причина смерти будет установлена, родным разрешалось забрать тело.

Ли Цзинлун заставил Хунцзюня выпрямиться, чтобы прикрыть ему глаза, но юноша махнул рукой, показывая, что все в порядке, поэтому Ли Цзинлун обхватил шею юноши левой рукой и прижал к его носу ароматическую соль, правой рукой он откинул в сторону мешковину, обнажая покрытое пятнами крови тело.

Тело Ху было превращено в месиво, кровь уже давно высохла.

– Он был ранен чем-то острым, – заключил Ли Цзинлун.

– Ох, – вздохнул Хунцзюнь.

Юноше полегчало. Дело не в том, что он не видел мертвецов во время своего путешествия в Чанъань, скорее, ему стало дурно из-за трупного запаха, рухнувшего прямо на него, теперь он показал, что с ним все в порядке.

Ли Цзинлун стал снимать одну мешковину за другой, осматривая тела.

– Все убиты оружием, это не яо, – заключал он каждый раз.

Хунцзюнь нахмурился и некоторое время смотрел на тела. Ли Цзинлун взглянул на еще один труп и сказал:

– Этот человек покончил с собой. Рана гладкая, чистые края, удар пришелся прямо в сердце…

После он взял руку трупа и поставил ее так, чтобы было удобно вонзить нож в сердце.

– Это не яо, – сказал Ли Цзинлун и подошел к следующему трупу.

Хунцзюнь взглянул на тела, посмотрел на их лица и, казалось, что-то почувствовал.

– Не трогай, – сказал Ли Цзинлун. – Ты же без перчаток.

Хунцзюнь подошел немного ближе и присмотрелся.

– Что ты хочешь? – спросил мужчина и, сняв перчатку, протянул ее юноше. Ткань еще была теплой из-за недавнего пребывания на руке.

Хунцзюнь надел ее, опустил глаза и пощупал лицо трупа. Тело уже успело окоченеть.

– Видите?

Он немного повернул голову трупа, приподнял его веки, и в поле зрения Ли Цзинлуна попало выражение величайшего ужаса на лице мертвеца.

Нечто подобное Хунцзюнь видел ночью. Именно так, запуганно и скованно, выглядел Цинь У, когда ворвался в Отдел экзорцизма.

Ли Цзинлун глубоко нахмурился, на мгновение задумался и произнес:

– Он увидел нечто очень пугающее.

– Я последовал за Фэн Ао в Чанъань, потому что ночью за городом я услышал пронзительные вопли и, выбежав, обнаружил тело, искусанное до смерти.

– Выражение лица было такое же, да?

Если бы не Хунцзюнь, Ли Цзинлун бы ни за что не заметил эту деталь. Он развернулся и, отступив чуть назад, присоединился к юноше, рассматривающему лицо трупа. Всякий раз, когда человек умирал, будь то мирная или полная сожалений смерть, за мгновение до финала на его лице в той или иной степени оставались эмоции. Хотя Ли Цзинлун и понимал этот принцип, он очень редко видел тех, кого искусал до смерти яо, не говоря уже о том, чтобы быть столь близко.

– Если он покончил с собой, – начал Хунцзюнь, – то он не должен быть столь напуган перед смертью, верно?

– Он был бы напуган, однако выглядеть это должно иначе. Давай продолжим поиски.

Хунцзюнь закрыл глаза умершему и тихо произнес:

– Да найдешь ты блаженство и не сгинешь в аду.

Очистив этой фразой человека от грехов, юноша пошел за Ли Цзинлуном. Когда осмотр тел был завершен, двое экзорцистов покинули Ревизионную палату.

– Давай отправимся на место преступления, – предложил Ли Цзинлун.

Одолжив лошадь у Ревизионной палаты, он направился к выходу, но случайно заметил, как

разговаривают Ху Шэн и Хуан Юн. Заметив ведущего лошадь Ли Цзинлуна, Ху Шэн подошел к нему и спросил с глубоким вздохом:

– Помнишь Цинь У?

– Я уже знаю, – ответил Ли Цзинлун, ничего не отразилось на его лице.

– Как же ты узнал, адъютант Ли?! – удивился Хуан Юн.

– Ачала сказал мне, – ответил мужчина, вежливо кивнув.

– Цзинлун, – начал Ху Шэн, – как думаешь, ты сможешь попросить у Его Величества и канцлера Яна снисхождения от имени Цинь У?

Ли Цзинлун вскочил на лошадь перед двумя мужчинами.

– Он должен встретиться с последствиями необдуманного поступка сам, – сказал Ли Цзинлун. – Хунцзюнь, мы уезжаем.

Хунцзюнь забрался на лошадь, как всегда сев позади Ли Цзинлуна. Тот тряхнул поводьями и уехал из Ревизионной палаты.

По пути Хунцзюнь не осмеливался много разговаривать. Когда они прибыли к дому семьи Чжэн, Ли Цзинлун, задумавшись, спешился и вошел на своих двоих. Экономка поместья Ян Гочжуна, помощник командующего отрядом Лунъу, многочисленные чиновники Ревизионной палаты – все они присутствовали на месте преступления. Когда они увидели Ли Цзинлуна, то, помня о благосклонности Сына Неба, кивнули ему.

Выглядело место преступления ужасно. Зал забрызгало кровью, из дверного проема тянулись кровавые следы, свидетельствующие об агонии и отчаянии тех, кто спасался бегством в последний момент.

– Этот кровавый след принадлежит старой матушке Чжэн Вэньбиня, – объяснил Вэнь Сяо. – Ей было почти семьдесят, Сяо У сначала ударил ее ножом спереди, а затем догнал и добил ее в спину.

– Боюсь, братья в армии, узнав об истории, стоящей за этим, не смогут удержаться от того, чтобы попросить компенсации за несправедливость, принесенную Цинь У, – сказал Ли Цзинлун.

Вэнь Сяо вздохнул и проводил Ли Цзинлуна. Такое крупное дело не могло оставить всех в Лунъу, стоящих под командованием Ху Шэна, без наказания, никого из них не ждала легкая

жизнь.

– Негодование граждан в сторону семьи Ян достигает своего пика, – сказал Вэнь Сяо. – У Шэньу и Юйлинь случались конфликты с ними, и, хотя те, кого нужно было избить, избили, и те, кого нужно было наказать, получили наказание, в Шести армиях царит общее чувство беспокойства. К тому же, их жалование все сокращают, они давно уже недовольны. Теперь все, что осталось, – использовать любой предлог, разгневаться и тогда то, что произойдет, не сможет никто подавить.

Но, когда Ли Цзинлун собирался ответить Вэнь Сяо, он заметил, что Хунцзюнь еще стоит в другом зале.

– Хунцзюнь?! – позвал он юношу.

Хунцзюнь спокойно стоял и чувствовал ярость тех, кто умирал в этом зале. Это негодование, казалось, не могло рассеяться и, даже после того, как он пробормотал несколько заклинаний упокоя душ, заклинания просто не работали. Неожиданно сзади юношу схватили за руку, Ли Цзинлун повел его прочь, не позволяя смотреть на это дальше.

– Эта кровь несет в себе сильнейший запах обиды, – сказал Хунцзюнь.

Ли Цзинлун повел лошадь и Хунцзюня по главной улице.

– Хунцзюнь, пообещай мне кое-что, – начал мужчина, повернув голову.

– Что?

– Пообещай, что независимо от места или времени, что бы ни случилось, если ты потеряешь контроль над своим гневом, сначала подумай обо мне, своем адъютанте, – сказал Ли Цзинлун. – Разница в одной мысли может привести к подобной катастрофе, тогда пострадаешь не только ты.

– Этого не случится, – заверил Хунцзюнь. – Я не он.

– Ты хороший юноша, – легко сказал Ли Цзинлун, – но силы экзорцистов намного превосходят силы смертных, когда ты сражаешься с чудищами и демонами, обычным людям сложно понять, что происходит.

Хунцзюнь подумал, что Ли Цзинлун прав, однако он был уверен, что никогда и ни за что не станет таким, как Цинь У, потерявшим весь контроль над собственным разумом и совершившим такой ужасный поступок – убийство целой семьи.

Место, где убили жену, стало третьим. Кровь забрызгала все четыре стены. Слишком жестоко, чтобы смотреть на это, особенно на стол, залитый свежей кровью, и кровавые отпечатки рук на стене. Негодование, испытываемое Хунцзюнем сегодня, казалось, было сильнее, чем в любой другой день. Из-за этого его эмоции потяжелели, юноша чувствовал себя слишком неуютно.

Ли Цзинлун велел ему выйти, а сам стал осматривать комнату, но тут Хунцзюнь заметил что-то в углу.

– Что это?

Блестящий черный кусок металла в форме полумесяца.

– Раз мы в доме кузнеца, значит, это кусок какой-то брони, – предположил Ли Цзинлун.

Хунцзюнь, держа в руках черный металлический предмет, потер острый угол пальцем.

– Что случилось? – спросил Ли Цзинлун. – Думаешь, с этой штукой что-то не так?

Юноша прищурился и поднес предмет к солнцу, чтобы рассмотреть его внимательней.

– Убери это, посмотрим, когда вернемся.

Следующее место находилось за городом, в направлении Пинхэляна. Это был большой луг, поэтому, когда Ли Цзинлун и Хунцзюнь прибыли туда, уже близились сумерки. Потянувшись, Хунцзюнь вместе с Ли Цзинлуном прошелся по дороге, пересекающей равнину, чтобы осмотреть место преступления.

– Они разбили здесь лагерь, – сказал Ли Цзинлун, обнаружив остатки костра. – Они собирались продолжить путь рано утром, чтобы добраться до Чанъаня.

– Что они перевозили? – поинтересовался Хунцзюнь.

В глазах Ли Цзинлуна скользнул намек на улыбку, он взглянул на юношу и сказал:

– Все товары учтены, это не было убийство ради наживы. Ты все больше и больше становишься похож на настоящего экзорциста.

– Я спросил, потому что хотел узнать, осталось ли у них что-нибудь, и взять немного…

Ли Цзинлун вздохнул.

– Сначала человека зарезали здесь, – сказал Ли Цзинлун, указывая на ряд пятен крови. – Жертва была здесь, затем другому человеку перерезали горло, и он умер… здесь.

Адъютант указал на другое место.

– Этот человек очень силен, – заметил Хунцзюнь. – Труп был примерно такого же роста и размера, как Цю Юнсы.

– Вероятно, У сопровождал караван, поэтому двое первых жертв были схожи с ним, то есть двое сопровождающих, а после он убил безоружных торговцев, как ягнят на заклание.

– Где он умер?..

Место преступления было уже потревожено, поэтому пятна крови ничего не давали. Хунцзюнь несколько раз прошел по кругу, и тут же вскрикнул:

– Адъютант! Подойдите и взгляните!

Хунцзюнь стоял за большим камнем, здесь тоже были пятна крови.

– Тут кто-то прятался, – произнес Хунцзюнь.

Помолчав мгновение, Ли Цзинлун сказал:

– Однако в окрестностях нет крови, так что выжившего быть не может. Траву не стоптали, поблизости нет следов, указывающих на чей-то побег.

Взгляды двоих встретились, Хунцзюнь понял, что подумал Ли Цзинлун. Если это был торговец, спрятавшийся за камень, то после обнаружения его бы вытащили из-за камня и тут же убили. Это оставило бы пятна крови. Все это должно значить только…

– Тот, кто спрятался за скалой, был именно палачом, устроившим тут резню. Сопровождающим, который покончил с собой, – заключил Ли Цзинлун и, похлопав Хунцзюня, сел рядом с ним на корточки. – Что же он высматривал?

Хунцзюнь вскочил и бросился к костру, окрашенному пурпурно-черной кровью. Он стал вертеть головой, оглядываясь во все стороны.

Ли Цзинлун нахмурился в задумчивости и медленно подошел к юноше. Тот повернулся, сначала взглянул на Ли Цзинлуна, потом на землю. Вдвоем осмотревшись, они заметили только очень слабые следы, ведущие в высокую траву.

Ли Цзинлун резко вдохнул и последовал к краю равнины, где находилась роща деревьев, а на земле лежали ветки. Экзорцисты одновременно подняли головы.

– Человек или яо, однако той ночью он прятался на дереве и наблюдал за всеми, – сказал Ли Цзинлун.

Не было никаких следов ухода: лишь слабый след его присутствия у костра после того, как этот некто спрыгнул с дерева.

– Он пролетел над ними? – предположил Ли Цзинлун.

– Возможно.

– Какие яо умеют летать?

– Очень много яо умеют летать, если я начну перечислять сейчас, то не закончу и к утру.

Ли Цзинлун мог сейчас лишь все оставить как есть.

http://tl.rulate.ru/book/3616/89522